

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ РЕФОРМЫ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация. Статья посвящена анализу проблем современного высшего образования в России. Автор наглядно демонстрирует серьезные недостатки современной системы высшего образования в стране на основе анализа очевидных для большей части российских преподавателей дефектов высшего юридического образования: недофинансирование высшего образования (имеется в виду не только низкая заработная плата большей части профессорско-преподавательского состава в стране, но и сокращение расходов на обновление материально-технической базы вузов); колоссальный рост учебной нагрузки в расчете на одного преподавателя (прежде всего именно так называемой аудиторной нагрузки); значительное сокращение числа диссертационных советов, отвечающих за присвоение ученых степеней по праву (особенно вне европейской части страны); допуск к магистратуре лиц без базового юридического образования; несовершенство и постоянное обновление образовательных стандартов без изменения содержания образовательного процесса; бюрократизация образования и переход на «эффективные» контракты, которые сокращают уровень защиты трудовых прав российского преподавателя. Автор на основе применения социологических методов исследования ставятся под сомнение обоснованность и результативность основных идей реформы высшего образования, реализуемой Министерством образования и науки РФ в последние 10—15 лет. В результате этой «новой образовательной» политики работу до 2019 г. потеряют почти 50 % профессорско-преподавательского состава российских вузов, и при этом после смены поколений может оказаться, что работать в российских вузах будет фактически некому. Современная российская реформа образования, ориентированная на сокращение общего числа бюджетных мест в вузах (а в особенности бюджетных мест гуманитарных специальностей) и государственную поддержку среднего специального образования, приведет к еще большей технологической отсталости России по сравнению с ведущими мировыми экономиками уже в ближайшие 10 лет. Мировой тренд в современном образовании — это, наоборот, постоянный рост числа людей, получивших высшее образование, особенно в условиях начинающейся эры «цифровой» экономики. Только резкое увеличение в ближайшие 3—5 лет расходов на образование до 5—6 % от ВВП, при одновременной корректировке направлений реформы высшего образования, способно предотвратить неумолимо надвигающийся коллапс всей российской системы высшего образования.

© Кондрашев А. А., 2018

* Кондрашев Андрей Александрович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного, административного и муниципального права Юридического института Сибирского федерального университета
legis75@mail.ru
660077, Россия, г. Красноярск, ул. 78 Добровольческой бригады, д. 7, кв. 218

Ключевые слова: реформа образования, проблемы высшего юридического образования, недофинансирование образования, эффективные контракты, образовательные стандарты, бакалавриат и магистратура, диссертационные советы, бюрократизация образовательного процесса, увеличение учебной нагрузки на преподавателя, снижение количества бюджетных мест.

DOI: 10.17803/1729-5920.2018.134.1.144-156

Научных статей на тему юридического образования за последние годы написано несколько десятков¹, причем большая часть из них посвящена частным проблемам методики преподавания права, наукометрическим способам повышения эффективности преподавания, общим рассуждениям о проблемах подготовки юристов и довольно абстрактных механизмах повышения качества юридического образования.

С позиции теории права повышение качества высшего юридического образования считается этапом в развитии правового государства; юридическое же образование играет важнейшую роль в повышении правовой культуры, поскольку от качества знаний и профессиональных умений юридических кадров зависит состояние дел во всех сферах — от законотворчества и правоохранительной деятельности до правового воспитания молодежи и оказания консультационных услуг населению². При этом общим местом в последние годы стал тезис о снижении качества юридического образования, как, впрочем, и качества в целом высшего образования в России. В настоящей статье автор предлагает осветить проблемы юридического образования сквозь призму социологии и реальной ситуации, которая сложилась в российских вузах (не только юридических).

Прежде чем перейти к анализу проблематики в выбранном автором формате, следует начать с элементарной социологии. Речь идет о том, что согласно проведенным опросам более 20 % преподавателей вузов в России заявили о желании сменить работу из-за снижения зарплаты. Эти данные приведены в бюллетене «Реформа высшего образования: отечественный и зарубежный опыт», опубликованном 06.07.2018 на сайте Аналитического центра при Правительстве РФ. Так, если в 2013 г., согласно данным этого социологического опроса, 18,4 % преподавателей вузов хотели бы сменить работу, то на 2017 г. показатель увеличился в 1,2 раза, говорится в исследовании. Это 22 %, или пятая часть, преподавателей вузов³. Другими словами, следует интерпретировать эти данные просто: преподаватели не идут работать в высшую школу, они просто голосуют ногами за уход из профессии.

Автор настоящей статьи, около двух лет проработал в качестве проректора по науке в аграрном вузе, и по результатам исследования, проведенного вузом, оказалось, что более 65 % профессоров имеет возраст, превышающий 60 лет, а среди доцентов более половины уже достигли 50 лет.

Каким образом можно оценить результаты таких исследований? Очевидно, что идет резкий процесс старения профессорско-препода-

¹ Берлявский Л. Г., Власов А. И. Методы наукометрии в юридическом образовании и науке // Юридическое образование и наука. 2015. № 3. С. 21—24; Голиченков А. К. Юридическое образование в России: вызовы XXI века // Lex Russica. 2010. Т. LXIX. № 2. С. 296—310; Ефименко Л. А. Компетентностный подход в юридическом образовании // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2014. № 4 (21). С. 11—14; Камышанский В. П. О юридическом образовании и профессии юриста в России // Власть закона. 2010. № 2. С. 16—26; Матюшева Т. Н. Повышение качества юридического образования в решении проблемы становления правового государства и гражданского общества // Современное право. 2015. № 11. С. 68—72; Фадеев В. И. О новых подходах к преподаванию конституционного и муниципального права в условиях уровневого образования // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 4. С. 31—36; Шутова В. Н. Опыт применения интерактивных форм и методов в юридическом образовании // Современные проблемы науки и образования. 2016. № 4. С. 171.

² Шапкина Е. А. Повышение качества высшего юридического образования как этап развития правового государства // Юридическое образование и наука. 2011. № 1. С. 9.

³ Бюллетень о сфере образования. Июнь 2017. Реформа высшего образования: отечественный и зарубежный опыт // URL: <http://ac.gov.ru/files/publication/a/13584.pdf>.

вательского состава (ППС) российских вузов. Причем это касается не только юридических вузов, но и всех российских учреждений высшего образования, а это весьма печальная и опасная для развития науки и образования тенденция. Ведь общеизвестно, что наиболее серьезные открытия человек совершает до 30—40 лет, а потом идет необратимый процесс отмирания нервных клеток и падения продуктивности научной деятельности. Российское образование и наука ускоренными темпами деградируют, когда самые продуктивные в научном отношении кадры, просто бегут из науки в иные отрасли народного хозяйства...

И самая главная причина этого кроется в хроническом, системном недофинансировании образовательной и научной сферы в России, и в частности в крайне низкой, нищенской зарплате преподавателя вуза. Особенно это очевидно, если сравнить заработную плату российского чиновника, судьи или работника правоохранительных органов и вознаграждение преподавателя вуза. Например, депутат Государственной Думы получает без малого 500 000 руб. в месяц, судья регионального суда общей юрисдикции — не менее 200 000 руб., депутаты региональных законодательных органов — не менее 150 000 руб., а старший участковый в звании майора — не менее 70 000 руб. При этом зарплата российского профессора не превышает в среднем по стране 40 000 руб., а доцента — не доходит и до 27 000 руб. на ставку⁴.

Конечно, автора могут упрекнуть в том, что по официальной статистике зарплата ППС по стране существенно выше, но фактически администрации подавляющего большинства вузов занимают просто «подгонкой» цифр, под требования «майских» указов Президента⁵. Причем технологии везде разные: от элементарного сокращения преподавателей и пере-

вода их на дробные ставки (от 0,1 до 0,5—0,7), включения в состав дохода временных выплат (гранты, НИОКР, хоздоговоры), до размывания зарплат ППС с вознаграждением вузовской администрации, представители которой почти всегда также преподают в вузах минимум на половину ставки.

А если учесть, что средняя зарплата ректора и проректоров, начальников управлений и департаментов (которых во многих вузах несколько десятков) превышает средневузовскую в десятки раз, то картина становится вполне благой. Правда, следует оговориться, что зарплаты представителей юридического сообщества в российских вузах несколько выше общероссийских данных, прежде всего потому, что вузы устанавливают дополнительные надбавки за счет внебюджетных средств, получаемых от студентов, обучающихся по договору.

Другой причиной того, что скоро в вузах многих российских нестоличных городов будет просто некому преподавать, является политика российского Правительства. Согласно «дорожной карте» образования, утвержденной Правительством РФ в 2013 г.⁶, установлены нормативы ППС в расчете на количество студентов (12 преподавателей на 1 студента в 2018 г.), и внедрение этих нормативов неизбежно приведет к сокращению более 40 % российских преподавателей высшей школы, а фактически сокращения могут превысить и все 50 %.

Так, по данным Росстата, приводимым Е. Балацким⁷, с 2012 г., когда началось активное высвобождение ППС, по 2016 г. произошло сокращение преподавателей государственных и муниципальных вузов на 81 тыс. человек (с 318 до 231 тыс. человек), что составляет 26 % от их численности в 2012 г. Выход на норматив относительной зарплаты ППС в 200 % предполагает дополнительное высвобождение 88,7

⁴ Интересно, что во времена Советского Союза профессор получал в среднем зарплату, которая превышала средний уровень минимум в 6—8 раз, а доцент — в 3,5—4 раза. Так, например, с учетом районного коэффициента профессор в Красноярском государственном университете получал около 1 000 руб. в месяц, а доцент — более 400 руб. при средней заработной плате по экономике в 100—120 руб.

⁵ Указ Президента РФ от 07.05.2012 № 598 «О совершенствовании государственной политики в сфере здравоохранения» // СЗ РФ. 2012. № 19. Ст. 2335; Указ Президента РФ от 07.05.2012 № 599 «О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки» // СЗ РФ. 2012. № 19. Ст. 2336.

⁶ Распоряжение Правительства РФ от 30.04.2014 № 722-р «Об утверждении плана мероприятий (“дорожной карты”) “Изменения в отраслях социальной сферы, направленные на повышение эффективности образования и науки”» // СЗ РФ 2014. № 19. Ст. 2469.

⁷ Балацкий Е. Зарплатный тупик. Куда заведет «дорожная карта»? // Наука. Инновации. Образование. 2017. № 1 (23). С. 9.

тыс. человек, что превышает уже состоявшееся сокращение. На основании данных 2012 г. можно подсчитать, что сокращение ППС в вузах России должно составить 44 %.

При этом сам этот показатель (количество студентов на 1 преподавателя) взят фактически с потолка, так как в западных странах, где он действительно используется, он не включает ассистентов, постдоков (от 2 до 12 на одного профессора), которые ведут практические занятия, лабораторные и прочие работы за профессоров и доцентов. А, к примеру, в Кембридже и Оксфорде объем аудиторной работы — всего 180 часов в год, и количество студентов на 1 профессора составляет 11 и 10,5, соответственно. В России это будет соответствовать соотношению около 6—7 студентов на 1 профессора при условии, что ему помогают от 2 до 12 хорошо оплачиваемых аспирантов и ассистентов. Кроме того, согласно образовательным стандартам в российских вузах «остепененные» преподаватели (которые учитываются в европейской статистике как профессора или лекторы) должны составлять не менее 60 % от всего ППС. Именно такое их количество — 60—70 % — обеспечено в большинстве вузов России. То есть наше соотношение 12 к 1 можно разделить на 0,6 и получить те же самые 20 студентов на одного преподавателя.

Кроме того, законодательством введены исключения для ряда вузов (например, МГУ и СПбГУ, где в настоящее время соотношение примерно 4 студента на 1 преподавателя), что свидетельствует о явном неравенстве российских вузов, когда столичные вузы имеют приоритет по сравнению с иными вузами России.

Еще одной причиной падения количества преподавателей в вузах, правда, это больше перспектива недалекого будущего, — это колоссальное сокращение количества диссертационных советов в стране. Предлагаю просто проанализировать цифры. Самый простой пример связан с моей специальностью 12.00.02 — конституционное право; конституционный судебный процесс, муниципальное право. Он прост: за Уралом остался всего один диссертационный совет по моей специальности.

Всего количество советов по всем специальностям было сокращено более чем на 1 200. По словам уже бывшего директора департамента аттестации научных и научно-педагогиче-

ских работников Минобрнауки России Инессы Шишкановой, с 2013 по 2016 г. количество диссертационных советов сократилось на 35,9 % — с 3 386 до 2 169. В 2017 г. их осталось уже всего 2 124. Также резко снизилось и количество защищенных кандидатских и докторских диссертаций. Если в 2013 г. степени докторов и кандидатов наук получили 2 380 и 20 014 человек, то в 2015 г. было защищено 1 614 и 12 504 диссертаций соответственно⁸.

Если же посчитать количество советов по праву, то тенденция полностью сохраняется применительно ко всем научным специальностям. Из них диссертационных советов по праву в 2017 г. осталось — 76 (в 2012 г. было 112 советов, в 2014 г. — 83, в 2015—89). Количество защит по юриспруденции снизилось почти в 2 раза (по докторским было 106 защит в 2011 и всего 49 в 2014 г., кандидатских было защищено 1 440 в 2011 г. и всего 522 в 2014 г.). В 2015 г. количество защит несколько выросло: докторских — 93, кандидатских — 630. При этом если в 2000-х гг. защищалось более 2 000 кандидатских в год, то теперь не более 600.

Если взять общее число защит по всем научным дисциплинам, то ситуация также отражает общий тренд на снижение защит. В 2012 г. в России было защищено 28 тыс. диссертаций, а по итогам 2016 г. — уже 17 тыс. Подсчет показывает, что если в 2012 г. было защищено более 2,8 тыс. докторских и 21,1 тыс. кандидатских диссертаций, то год спустя их суммарное количество сократилось менее чем на 7 % (до 2,3 тыс. докторских и 20 тыс. кандидатских). В 2014 г. уменьшение числа защит оказалось еще более значительным — в стране было защищено 1,5 тыс. докторских и менее 9,9 тыс. кандидатских работ. В 2016 г. тренд несколько изменился: количество защит по сравнению с 2015 г. стало расти, правда, незначительно. Докторских защит прошло 1,6 тыс., а кандидатских — 12,5 тыс.

Нельзя не сказать и еще об одной проблеме, обычно остающейся без внимания в публичном поле. Это цена защиты диссертации. Как правило, скромно говорят о расходах на печать автореферата, почтовых расходах на отправку его в библиотеки, распечатку самой диссертации, ее переплет в сброшюрованном виде и праздничный стол после защиты плюс подарки оппонентам. И это в принципе так,

⁸ URL: <https://indicator.ru/article/2016/09/29/chto-v-dissere-tebe-moem-dissovetam-prigrozili-nauchnyimishkolami/>.

если аспирант или соискатель защищаются в своем совете, где открыта аспирантура. Но если совета нет, то расходы вырастают в геометрической прогрессии. Причем российское законодательство говорит о бесплатной защите диссертации независимо от того, где защищается аспирант, но в реальности все, к сожалению, давно не так.

Каждый совет в России (это касается не только диссертационных советов по праву) выставляет не «своему» аспиранту особый «ценник» за защиту, только это камуфлируется заключением особого гражданско-правового договора. Это может быть договор на экспертизу его монографии, договор о подготовке к печати какой-либо научной работы и т.д. В среднем такой якобы добровольно заключаемый «договор» обходится аспиранту со стороны в сфере юриспруденции в 120 000—140 000 руб., а если речь идет о защите докторской диссертации, то сумма доходит до 350 000—400 000 руб.

И это «легальные» суммы, уплачиваемые в кассу вуза. Мы не будем утверждать (это лишь оценочное суждение), что в некоторых советах деньги берут и «черным налом» за защиту «под ключ», причем в таких случаях масштаб цифр больше на несколько порядков. Сюда нужно отнести и расходы на транспорт, когда аспиранту нужно минимум 3—5 раз посетить диссертационный совет (сдача документов, посещение кафедры, ответы на замечания экспертов, принятие диссертации к защите, сама защита). Поэтому сумма, которую должен выложить аспирант для защиты кандидатской диссертации составляет не менее 250 000—300 000 руб., если аспирант проживает в Сибири или на Дальнем Востоке. Поэтому возникает вполне обоснованное предположение, что количество защищенных диссертаций, особенно за пределами Москвы и Санкт-Петербурга, будет в ближайшее время только падать...

При этом нельзя забывать и о еще одной проблеме, неразрывно связанной с темой сокращения возможности защиты диссертации.

Речь идет о том, что значительная часть аспирантов, успешно защитивших диссертацию, дальше в вузы просто не возвращается. По подсчетам профессора И. М. Мацкевича, «около 90 % лиц, получающих ученые степени кандидата наук, никогда больше наукой не занимаются. То есть ученая степень стала разменной монетой для лиц, которые стремятся ее получить либо для удовлетворения собственных амбиций, либо для решения вопросов продвижения по службе»⁹.

Но проблемы образования связаны не только с недофинансированием, сокращением возможностей для защиты диссертации, но и с организацией учебного процесса и оформлением трудовых отношений с преподавателями. Давайте обозначим только наиболее болезненные и нерешаемые десятилетиями вопросы.

1. Одной из главных проблем следует назвать **фактическое «бесправие»** (т.е. ослабление гарантий трудовых прав) **преподавателей** по сравнению с иными категориями так называемых «бюджетников» (врачей, учителей, работников социальных учреждений) и государственных служащих разных видов. Все преподаватели, за исключением вузовских административных работников, как известно, активно переводятся на так называемые «эффективные» контракты¹⁰, заключаемые на определенный срок. Причем этот срок чаще всего не превышает двух лет, а некоторые вузы перешли к годовым контрактам (СПбГУ) или даже десятимесячным (РГГУ). В этих условиях преподаватель попадает в рабскую и кабальную зависимость от администрации вуза. Он не может нормально планировать свою научную деятельность. Он даже не может довести аспиранта до защиты, так как сроки обучения в аспирантуре выше, чем сроки его контракта. Причем администрации не нужно выискивать основания для увольнения негодного преподавателя, достаточно дождаться истечения срока контракта и организовать конкурс или просто сократить должность и не проводить конкурса...

⁹ Мацкевич И. М. Концепция подготовки научно-педагогических кадров (кадров высшей квалификации) // Юридическое образование и наука. 2012. № 4. С. 2.

¹⁰ Распоряжение Правительства РФ от 26.11.2012 № 2190-р (ред. от 14.09.2015) «Об утверждении Программы поэтапного совершенствования системы оплаты труда в государственных (муниципальных) учреждениях на 2012—2018 годы» // СЗ РФ. 2012. № 49. Ст. 6909; приказ Минтруда России от 26.04.2013 № 167н «Об утверждении рекомендаций по оформлению трудовых отношений с работником государственного (муниципального) учреждения при введении эффективного контракта» (ред. от 20.02.2014) // Бюллетень трудового и социального законодательства РФ. 2013. № 8.

Вообще в России практически отсутствует практика заключения бессрочных трудовых договоров с преподавателями высшей школы (например, аналога американских *tenure professors*) — это делает их положение как работников по найму особенно уязвимым — даже при попытке высказывать свою позицию преподаватель может быть уволен без соблюдения процедур, предусмотренных Трудовым кодексом РФ для иных категорий работников.

В так называемых эффективных контрактах, на которые перешли преподаватели всех вузов, прописываются зачастую просто невыполнимые требования: например, принести вузу не менее 500 000 руб. в год от НИОКР или опубликовать в индексируемых базах Scopus и Web of Science (WoS) не менее 2—3 статей в год.

Эффективный контракт, увязывающий оплату труда с его продуктивностью, требует достаточно надежного измерения эффективности или, точнее, результативности деятельности работника. Но результат работы каждого отдельного преподавателя измерить практически невозможно. Применительно к научной работе и публикационной активности возможны библиометрические показатели результатов (цитируемость, индекс Хирша и т.п.), но они слишком формальны и серьезно критикуются академическим сообществом как в России, так и за рубежом. Например, процветает широко распространенная практика самоцитирования и обоюдочитирований двух и более авторов, которая позволяет в короткие сроки достичь требуемых, а то и предельных значений искомого коэффициента. Стали почти нормой ситуации, когда руководящие административные работники вузов принуждают сотрудников включать себя в соавторы и цитировать себя в каждой статье сотрудников научных учреждений! Если же речь идет о публикациях в журналах, входящих в базы Scopus и Web of Science (WoS), то вокруг этого процесса расцвел большой бизнес по размещению статей в журналах, индексируемых в этих базах. Возникло множество посреднических фирм, редакций специально созданных журналов, которые готовы за деньги разместить статьи самого низкого качества и научной ценности, причем суммы за размещение одной статьи переваливают за 1 000

евро. Абсолютно ясно, что попытка внедрения этих эффективных контрактов не просто провалилась, но и привела к попранию принципов научной этики, к возрастанию имеющего весьма слабое отношение к науке бизнеса на размещении статей в соответствующих базах. При этом качество размещаемых научных статей даже в рецензируемых научных изданиях, входящих в так называемый список ВАК РФ, год от года падает, множество публикаций сводится к банальному компилированию прежде размещенных результатов научных исследований.

При этом растущие год от года требования печататься в зарубежных журналах не только входят в противоречие с антизападной риторикой руководства страны (начиная с главы государства) и изоляционистской политикой последних лет, но и фактически невыполнимы для большинства гуманитариев. Думаю, отечественные юристы согласятся с тем, что опубликоваться в западных журналах по праву (например, входящих в 1—2-й квартили) невозможно, так как отечественное право просто неинтересно зарубежным юристам.

2. Второй проблемой, которая приводит к постоянному падению спроса на преподавательскую деятельность со стороны молодежи, является фантастический **рост учебной нагрузки** и появление различных **дополнительных видов работ**, введенных для российских преподавателей в последние годы. Как широко известно, Министерство образования и науки РФ ограничило предельный уровень нагрузки 900 часами для преподавателя¹¹. И вузы в массовом порядке вводят эти нормы для всех категорий преподавателей (от ассистента до профессора). Если сравнить с советскими временами, то количество часов, которые преподаватель должен посвятить преподаванию, стало в 2—3 раза выше. В советские времена нагрузка профессора составляла 350—450 часов, а доцента — не более 650 часов в год. При этом от преподавателей требуют, чтобы они активно готовили студентов к участию в олимпиадах, конкурсах, вели студенческие кружки, во многих случаях не выплачивая им дополнительное вознаграждение.

Если сравнить с профессурой европейских вузов, то нагрузка российского профессора

¹¹ Письмо Минобразования РФ от 26.06.2003 № 14-55-784ин/15 «О примерных нормах времени для расчета объема учебной работы и основных видов учебно-методической и других работ, выполняемых профессорско-преподавательским составом образовательных учреждений высшего и дополнительного профессионального образования» // Официальные документы в образовании. 2003. № 23.

выше в 4—5 раз. Более того, в последние годы радикально меняется структура учебной нагрузки: почти вся нагрузка стала аудиторной, или, по преподавательскому жаргону, — «горловой». В вопросе об учебной нагрузке российского преподавателя есть еще один важный аспект — ее структура. Определение норм времени на выполнение разных видов работ Минобрнауки РФ передало руководству вузов, и всеобщим явлением стало предельное урезание норм времени на все виды работ, кроме лекций и семинаров. Администрация вузов активно и последовательно исключает все виды неаудиторной работы из нагрузки (исключаются часы за проверку контрольных работ, за работу с дипломниками, работу с курсовыми и т.д.).

Например, в том аграрном вузе, где автор статьи работал (там есть и юридический институт), администрация отказалась от включения в нагрузку даже часов на проведение зачетов и экзаменов и исключила вообще защиту выпускной квалификационной работы (а следовательно, и часы за работу с дипломниками)! В итоге мы имеем дело с неоплачиваемым (а следовательно, в сущности, принудительным) трудом, запрещенным международными обязательствами, Конституцией РФ и трудовым законодательством России.

Не секрет, что общий фонд рабочего времени ППС — чуть более 1 500 часов в год. Предусматривается, что, кроме ведения занятий, научного руководства студентов и аспирантов, приема экзаменов и зачетов и т.д., преподаватель должен еще заниматься научными исследованиями и публиковать статьи об их результатах, вести методическую работу (подготовка рабочей программы дисциплины (РПД), различных учебных пособий, фондов оценочных средств (ФОС)), участвовать в воспитательной работе со студентами. Администраторами из Минобрнауки РФ совершенно не учитывается, что к лекциям и семинарам любой преподаватель должен элементарно готовиться. Нормальный преподаватель, даже если он ведет свою дисциплину не первый год, должен постоянно обновлять курс, учитывать последние достижения науки, изменения законодательства и судебной практики, приспособ-

лять материал к особенностям студентов конкретного курса или группы и т.д. Считается, что 1 час лекции или семинара в среднем требует от преподавателя от 1,5 до 3 часов подготовки. Нужно ли говорить о том, что, пытаясь увеличить свою заработную плату, преподаватели пытаются массово совмещать работу в нескольких вузах (мне известен случай, когда мой коллега работал в 8 вузах!), при этом качество каждой лекции и семинара у такого преподавателя будет резко падать год от года...

3. Бюрократизация образования и постоянное **обновление образовательных стандартов**. Как известно, в настоящее время (с 2017 г.) вступают в силу стандарты 3++, в том числе и в юриспруденции. Исторически вводились следующие стандарты высшего профессионального образования:

- стандарты первого поколения (утверждались с 2000 г. и именовались государственными образовательными стандартами);
- стандарты второго поколения (утверждались с 2005 г. и именовались государственными образовательными стандартами), ориентированные на получение студентами знаний, умений и навыков;
- стандарты третьего поколения (утверждались с 2009 г.), согласно которым высшее образование должно вырабатывать у студентов общекультурные и профессиональные компетенции.

С 01.09.2013 согласно Федеральному закону от 29.12.2012 № 273 «Об образовании в Российской Федерации» должны утверждаться стандарты нового поколения, в том числе и для программ высшего образования — подготовки научно-педагогических кадров, в соответствие с новым Законом. Так, с 01.09.2017 вступил в силу стандарт поколения 3++ по бакалавриату¹². А до конца 2018 г. будет принят стандарт поколения 3++ по магистратуре.

Мало того, что преподаватели вынуждены раз в 2—3 года обновлять РПД, они ежегодно должны сдавать индивидуальные планы, отчеты по их выполнению и прочую никому не нужную отчетность. Преподаватели почти каждый год вынуждены с ужасом готовиться к изнурительной работе по сопровождению очередного стандарта (написание множества

¹² Приказ Минобрнауки России от 01.12.2016 № 1511 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по направлению подготовки 40.03.01 Юриспруденция (уровень бакалавриата)» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 29.12.2016).

РПД, программ всевозможных практик (учебных, производственных, научно-исследовательских) и аттестаций, абсолютно непонятных матриц и таблиц самых невероятных по звучанию и назначению компетенций).

Самое удивительное, что два вуза в стране освобождены от общей процедуры выполнения требований, которые содержатся в образовательных стандартах, внедряемых по требованию Минобрнауки РФ. Так, 10.11.2009 был принят Федеральный закон о Московском и Санкт-Петербургском университетах¹³. Он определил особенности правового положения двух ведущих классических университетов как «уникальных научно-образовательных комплексов, старейших высших учебных заведений страны, имеющих огромное значение для развития российского общества». Именно поэтому они на уровне закона получили право самостоятельно устанавливать образовательные стандарты и требования к образовательным программам. Система образовательных стандартов стала двухэлементной: федеральные государственные образовательные стандарты (далее — ФГОС) и собственные образовательные стандарты вузов, что привело к очередному неравноправию в системе высшего образования.

Навязываемый вузам «компетентностный» подход к образовательному процессу — по большому счету не более чем фикция. Эти немислимые общепрофессиональные компетенции (ОПК) и профессиональные компетенции (ПК) вообще не способны каким-либо образом усовершенствовать содержание образовательного процесса. Самый простой факт: эти ОПК и ПК практически совпадают в образовательных стандартах для бакалавров и магистров! Кстати, это признают и известные российские конституционалисты, например Н. А. Шевелева, которая отмечает, что «практически отсутствует дифференциация требований к компетенциям юристов, обучающихся по программам бакалавриата и магистратуры. Сопоставление соответствующих разделов федеральных государственных образовательных стандартов показывает, что зафиксированные там квалификационные требования отлича-

ются несущественно, тогда как обсуждаемые уровни образования телеологически имеют различную направленность»¹⁴.

Если сравнить рабочие программы начала 1990-х гг. и современные методические материалы, то мы увидим, что мало того, что по объему эти РПД выросли в 3—4 раза (прежние 7—10 страниц превратились в 20—30), так и по содержанию эти учебные программы как минимум на треть (если не более) состоят в перечислении различных компетенций (базовых, профессиональных и т.д.), насыщены совершенно неприемлемым количеством матриц и таблиц. В реальности всю эту работу делают ассистенты и лаборанты кафедр, а профессура и доценты часто вообще устраниваются от процесса работы над методическими материалами. И это объяснимо: если самим делать эту бессмысленную техническую работу, у преподавателей не остается времени на собственно образовательный процесс, подготовку к лекциям, а главное — на научную работу.

Более того, возникают и довольно конспирологические версии того, зачем Минобрнауки РФ штампует изменения стандартов не раз в 5, как положено по закону, а в среднем раз в 2—3 года (называя это стандартом с очередным плюсом). Ведь преподаватели вузов вместо того, чтобы требовать с руководителей этого Министерства, а возможно и с Правительства РФ, элементарного и совершенно законного повышения уровня оплаты их труда, должны заниматься «мартышкиным трудом», в частности, постоянно переписывая учебные планы, РПД, ФОС, методические указания и т.д.

4. Профанация получения юридического образования в магистратуре. Переход в рамках вступившей в силу в 2003 г. для России Болонской конвенции к двум уровням высшего образования: бакалавриату и магистратуре повлек появление колоссальных проблем для организации образовательного процесса, причем затронул именно юриспруденцию.

Очевидным и весьма значимым недостатком действующего российского законодательства об образовании является то, что оно допускает возможность обучения по магистерским программам без обязательного получения

¹³ Федеральный закон от 10.11.2009 № 259-ФЗ «О Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова и Санкт-Петербургском государственном университете» (ред. от 08.03.2015) // СЗ РФ. 2009. № 46. Ст. 5418.

¹⁴ Шевелева Н. А., Лаврикова М. Ю. Некоторые проблемы нового этапа развития юридического образования // Закон. 2014. № 1. С. 42.

квалификации бакалавра в сфере юриспруденции. Причем если для педагогов и медиков эта возможность исключена государственными стандартами, то для юристов дан «зеленый свет» появлению магистров-инженеров или магистров-биологов от юриспруденции. Такая практика, к великому сожалению, получила весьма широкое распространение. Некоторые коллеги ее приветствуют, что может быть объяснено только возможностью заработать сравнительно легкие деньги на выпуске таких «недомагистров».

Сложилась странная ситуация, когда степень магистра юриспруденции, предполагающая углубленное изучение практикоориентированных курсов и сложных теоретических проблем, направленное на специализацию прежде всего юридических знаний и компетенций, оказывается без необходимого обязательного правового фундамента. Что в результате? А это приводит к значительному снижению качества реализации магистерских программ, более половины таких программ можно смело закрывать, так как их выпускники получают только поверхностные познания, которые соразмерны знаниям выпускников юридических техникумов. Преподаватели вынуждены эти 2 года учить таких «магистров» азам юриспруденции, начиная с понятийного аппарата. Отказавшись от специалитета с пятилетним сроком обучения, под аккомпанемент жесткой критики качества юридического образования (кстати, наиболее акцентированной — со стороны Минобрнауки РФ), мы получили магистратуру с возможностью освоения образовательных программ за 2 года¹⁵.

Не случайно в некоторых зарубежных странах (например, во Франции) невозможно поступить в юридическую магистратуру, если отсутствует предшествующая степень подготовки в юридической сфере. Такие нормы должны быть и в нашем законодательстве. А, например, в той же Германии вообще отказались переходить на разделение юридического обучения на бакалавриат и магистратуру, сохранив обычный специалитет, указав, что подготовить квалифицированного юриста за 4 года просто невозможно.

В то же время стало очевидно, что в гуманитарном образовании этот переход принес в целом негативные последствия для качества

образования. Сжатие образовательной программы для бакалавров в юриспруденции привело к вымыванию практикоориентированных курсов, которые ранее осваивались студентами на 4—5-м курсах. Вместе с тем в рамках магистратуры отнюдь не всегда можно встраивать эти курсы, так как все программы носят предельно специализированный характер применительно к соответствующим магистерским программам, а их вузы открывают, бывает, более десятка по каждому направлению подготовки.

5. Недостатки содержания образовательных стандартов (организация работы студентов, введение электронной образовательной среды, навязывание кейсового метода обучения и пр.). Новая система образования построена на том, что 50 % учебного времени отводится на самостоятельную работу студентов. Не для всех предметов это можно делать эффективно. С целью сокращения количества преподавателей Минобрнауки РФ активно вводит требования, когда университеты вынуждены все больше учебных часов переводить в СРС (самостоятельная работа студента), катастрофически сокращая часы на лекции и семинары. Кроме того, в новых стандартах наблюдается резкий рост времени, которое студенты должны затрачивать на занятия физкультурой, изучение истории, безопасности жизнедеятельности и других непрофильных для юриста учебных дисциплин. При этом в зарубежных странах студент имеет право получить набор курсов для изучения по собственному усмотрению, а набор обязательных для выбора учебных дисциплин крайне ограничен.

Притчей во языцех стало навязываемое Минобрнауки РФ внедрение обязательной электронной образовательной среды, предполагающей размещение в Интернете всех РПД, выпускных квалификационных и курсовых работ, ведение электронных журналов, проверку контрольных работ и взаимодействие со студентами, а со временем — размещение полностью онлайн-курсов по каждой учебной дисциплине. К чему это приводит? Ответ очевиден: это опять приводит к повышенной нагрузке на преподавателя, которая вырастает в разы по сравнению с традиционной системой взаимодействия со студентами. Моя коллега по кафедре отработала в рамках этой системы

¹⁵ Носов С. И. О некоторых проблемах юридического образования и аттестации научных кадров высшей квалификации // Юрист. 2013. № 14. С. 39.

семестр и эмпирически засвидетельствовала, что для того, чтобы вбить в электронный журнал оценки, отправить задания каждому студенту, требуется в 3—4 раза больше времени, чем в рамках традиционной формы контроля знаний студентов.

Более того, размещение так называемых онлайн-курсов по учебным дисциплинам на сайтах вузов неизбежно приведет к сокращению численности преподавателей, так как множество студентов будут выбирать такой необременительный формат обучения. Более того, массовый переход к онлайн-курсам приведет и к фактическому сокращению числа региональных вузов (преподавателей), когда вузы-разработчики (в основном это, конечно, столичные университеты) будут передавать по договору разработанные ими онлайн-курсы в регионы (и получать регулярно отчисления за их использование), а регионы будут содержать только небольшое число ассистентов, помогающих студентам осваивать эти курсы¹⁶...

Но этот же формат также ведет к деградации получения профессиональных знаний в системе классического высшего образования! Студент лишается непосредственного взаимодействия с преподавателем, он не может участвовать в дискуссии, в групповых формах работы на практических занятиях. Даже просто нюансы «живого общения» студента с профессором способны формировать культурный код обучающегося, что невозможно в рамках онлайн-обучения. Онлайн-обучение возможно лишь как дополнение к традиционным формам получения высшего образования, когда человек уже получил базовое образование по традиционной схеме. В ином случае мы имеем не специалиста, а лишь «конструктор», получивший некие профессиональные навыки, но просто не имеющий возможности их применить в практической деятельности. Этот «кон-

структор» лишен коммуникативных навыков, просто не умеет работать в группе, и самое главное — он не способен уяснить и воспринять этику права, принципы, которые закладываются именно в ходе непосредственного общения студента и преподавателя.

Что касается модного сейчас кейсового метода обучения, то его применение в российской правовой системе изначально ограничено. Кейсовый метод хорош и может быть востребован для применения в англосаксонской системе, когда прецедентное право является основой деятельности любого юриста. Наша же правовая система работает на иных принципах, и изучение кейсов не способно привить юристу навыки системной работы с нормативными актами. Тем более что российское правоприменение весьма подвижно и крайне вариативно, а также следует за постоянно меняющимся российским законодательством.

Некоторые выводы.

Большое впечатление на вузовскую общественность страны произвело заявление годовой давности Ольги Юрьевны Голодец, занимающей пост заместителя Председателя Правительства РФ, курирующей социальную сферу, образование и науку. По мнению вице-премьера, «у нас есть просчитанный баланс: 65 % — это люди, для которых не требуется высшее образование, и 35 % — специалисты. В дальнейшем эта пропорция будет меняться в сторону увеличения доли специалистов, для которых не требуется высшее образование»¹⁷. Таким образом, государственный чиновник, отвечающий за выработку политики государства в сфере образования, недвусмысленно заявил, что государству не требуется такое количество людей с высшим образованием. Иными словами, нас ждет дальнейшее снижение количества бюджетных мест в вузах и снижение контрольных цифр приема по всем направлениям

¹⁶ Ректор НИУ ВШЭ Я. Кузьминов выступил с такими предложениями на прошедшей 10.10.2017 в Москве международной конференции «Elearning Stakeholders and Researchers Summit 2017». Ректор полагает, что возможно заключение сетевых соглашений между вузами-провайдерами и вузами-реципиентами онлайн-курсов. При этом для создателей курсов нужен механизм компенсации затрат, а для реципиентов экономический эффект будет только в том случае, если они смогут замещать целые блоки курсов. По оценкам ВШЭ, замещение офлайн-курсов онлайн-курсами будет экономить 70 % стоимости традиционных курсов. 20 % стоимости можно платить вузу-провайдеру, и 10 % вуз-реципиент будет направлять на оплату своих сотрудников-ассистентов, которые будут помогать изучать такие курсы. Оставшиеся сэкономленные средства вузы смогут направлять на науку (см.: Ректор НИУ ВШЭ рассказал, как онлайн-курсы могут изменить экономику высшего образования // URL: <http://www.ug.ru/news/23177>).

¹⁷ Голодец О. Ю. считает, что высшее образование нужно лишь для 35 % профессий // URL: <https://ria.ru/society/20160715/1466759514.html>.

подготовки студентов. Комментировать такие высказывания крайне сложно, так как вице-премьером не приведено никаких внятных доводов в обоснование своей позиции.

По данным ОЭСР (Международной организации экономического сотрудничества и развития, The Organisation for Economic Cooperation and Development, OECD) на 2013 г., высшее и среднее специальное образование в России есть у 53 % взрослого населения (причем наиболее заметный рост охвата происходил в 1990-е гг.). Это один из лучших показателей в мире, и тут наша страна вполне в глобальном тренде — процент лиц, имеющих высшее образование, растет во всем мире, причем в последние годы на это обращают особое внимание именно развивающиеся экономики¹⁸. Такие показатели есть только в Канаде (52,6 %). В Японии диплом вуза имеют 46,6 % жителей, а в Израиле — 46,4 %. Но нельзя не учитывать и тот факт, что, согласно российской переписи 2010 г., законченное высшее образование имеют только 23 % жителей России в возрасте старше 15 лет. Таким образом, высшее образование имеет примерно каждый четвертый взрослый россиянин — а это, в свою очередь, очень далеко до всеобщего охвата¹⁹. При этом в европейских странах есть примеры, когда в когорте лиц (в возрасте 25—39 лет) высшее образование имеют 50 % населения (Норвегия, Бельгия). И Россия в данном случае уже не занимает лидирующих позиций — 39 % (на обгоняют Израиль (43 %), Польша (41 %), Финляндия (43 %), Дания (47 %) и даже Украина (40 %)!)²⁰.

На мой взгляд, политика Минобрнауки в последние годы явно подчинена так называемой сырьевой модели развития страны. Упор делается на подготовку за счет бюджета инженерных кадров, при этом резко сокращен бюджетный набор почти на все гуманитарные специальности. Но опыт многих развитых стран показывает, что без увеличения количества (и качества, разумеется) выпускников по гуманитарным специальностям не может быть ускоренного экономического развития страны. Именно поэтому выпуск обычных ремеслен-

ников, которые будут владеть только техническими навыками, не способных к критическому гуманитарному мышлению, не даст эффекта, особенно в век бурного роста «цифровой» экономики, экономики знаний. При этом также давно доказано, что люди с высшим образованием, как правило, имеют большую продолжительность жизни, меньше подвержены распространенным социальным недугам (алкоголизм, наркомания), менее склонны совершать правонарушения и попадать в места заключения.

Вся политика нашего государства в последние 5—7 лет подчинена общей идее сокращения расходов на науку и образование в пользу увеличения расходов на оборону и правоохрану. Достаточно привести несколько цифр. За 17 лет количество первокурсников, принимаемых на бюджетной основе, сократилось почти на 10 % (9,7 %; с 586 000 до 530 000), а общее количество бюджетных мест сократилось на 32 % (с 2 802 000 до 1 908 000). Если расходы консолидированного бюджета РФ на образование в 2013 г. составили 3,9 трлн руб., то в 2017 г. они упали до 3,1 трлн руб. При этом расходы на высшее образование падают быстрее, чем на другие виды образования: если в 2013 г. федеральный бюджет тратил на высшее образование 661 млрд руб., то в 2017 г. — только 473 млрд руб.²¹, а по плану на 2019 г. — всего 458 млрд руб. В 2016 г. доля расходов на образование сократилась до 3,7 % ВВП, к 2019 г. она упадет до 3,5 % ВВП.

К сожалению, следует сделать самый главный вывод: без резкого повышения расходов России на науку и образование и сокращения расходов на национальную оборону, правоохрану и административное управление качество жизни населения расти не будет. России нужно в кратчайшие сроки увеличить расходы на науку и образование хотя бы до 5—6 % от ВВП, иначе не за горами перспектива коллапса системы высшего образования в стране.

Современная реформа высшего образования, ориентированная на сокращение числа бюджетных мест в вузах, реорганизацию и сокращение количества российских вузов и под-

¹⁸ URL: <https://data.oecd.org/eduatt/adult-education-level.htm>.

¹⁹ URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/portret-russia.pdf.

²⁰ Бессуднов А. 3 графика, опровергающих миф, что в России много людей с высшим образованием // URL: https://republic.ru/russia/6_grafikov_kotorye_oprovergayut_mif_o_tom_chno_v_rossii_mnogo_lyudey_s_vysshim_obrazovaniem-808854.xhtml.

²¹ Исследование РБК: сколько Россия на самом деле тратит на своих граждан // URL: <http://www.rbc.ru/economics/14/12/2016/584fd32e9a7947c251265ede>.

держку среднего специального образования, приведет к еще большей технологической отсталости России по сравнению с ведущими мировыми экономиками. Мировой же тренд в образовании — это, наоборот, постоянный рост числа людей, получивших высшее образование, особенно в условиях начинающейся глобальной эры «цифровой» экономики. Чтобы изменить ситуацию, необходимо с привлечением экспертного сообщества и максимально большого числа преподавателей

серьезно скорректировать основные «векторы» продолжающейся реформы российского высшего образования, предоставив вузам максимум самостоятельности с точки зрения содержания образовательного процесса, но сохранив контроль за структурой учебной нагрузки, увеличив финансирование вузов и одновременно усилив надзор за расходованием средств на оплату труда преподавателей и административного персонала вузов.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Балацкий Е. Зарплатный тупик. Куда заведет «дорожная карта»? // Наука. Инновации. Образование. — 2017. — № 1 (23).
2. Берлявский Л. Г., Власов А. И. Методы наукометрии в юридическом образовании и науке // Юридическое образование и наука. — 2015. — № 3. — С. 21—24.
3. Голиченков А. К. Юридическое образование в России: вызовы XXI века // Lex Russica. — 2010. — Т. LXIX. — № 2. — С. 296—310.
4. Ефименко Л. А. Компетентностный подход в юридическом образовании // Юридический вестник Кубанского государственного университета. — 2014. — № 4 (21). — С. 11—14.
5. Камышанский В. П. О юридическом образовании и профессии юриста в России // Власть закона. — 2010. — № 2. — С. 16—26.
6. Матюшева Т. Н. Повышение качества юридического образования в решении проблемы становления правового государства и гражданского общества // Современное право. — 2015. — № 11. — С. 68—72.
7. Мацкевич И. М. Концепция подготовки научно-педагогических кадров (кадров высшей квалификации) // Юридическое образование и наука. — 2012. — № 4.
8. Носов С. И. О некоторых проблемах юридического образования и аттестации научных кадров высшей квалификации // Юрист. — 2013. — № 14.
9. Фадеев В. И. О новых подходах к преподаванию конституционного и муниципального права в условиях уровневого образования // Конституционное и муниципальное право. — 2013. — № 4. — С. 31—36.
10. Шапкина Е. А. Повышение качества высшего юридического образования как этап развития правового государства // Юридическое образование и наука. — 2011. — № 1.
11. Шевелева Н. А., Лаврикова М. Ю. Некоторые проблемы нового этапа развития юридического образования // Закон. — 2014. — № 1.
12. Шутова В. Н. Опыт применения интерактивных форм и методов в юридическом образовании // Современные проблемы науки и образования. — 2016. — № 4.

Материал поступил в редакцию 18 октября 2017 г.

PROBLEMS OF MODERN LEGAL EDUCATION IN THE CONTEXT OF THE HIGHER EDUCATION REFORM IN THE RUSSIAN FEDERATION: RESULTS AND PROSPECTS

KONDRASHEV Andrey Aleksandrovich — Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Constitutional Law, Administrative Law and Municipal Law, Institute of Law, Siberian Federal University
legis75@mail.ru
660077, Russia, Krasnoyarsk, ul. 78 Dobrovolcheskoy brigady, 7-218

Abstract. The article is devoted to the problems of modern higher education in Russia. Moreover, the author demonstrates the serious shortcomings of the modern system of higher education in the country following the

analysis of the obvious for the most part of Russian teachers defects of higher legal education: underfunding of higher education (meaning not only low salary of the greater part of the teaching staff in the country, but also reducing the cost of upgrading the material and technical base of the universities), tremendous growth of teaching load per teacher (first of all the so-called in-class load), a significant reduction in the number of Dissertation Boards responsible for the awarding degrees in law (especially outside the European part of the country), admission to Master's Degree programmes of persons without basic legal education, imperfection and constant updating of educational standards, without changing the content of the educational process, the bureaucratization of education and transition to "effective" contracts reduce the protection of labor rights of the Russian teacher. Applying the sociological research methods the author questions the validity and effectiveness of the basic ideas of the reform of higher education implemented by the Ministry of Education and Science of the Russian Federation in recent 10-15 years. Because of this "new education" policy, almost 50% of academic staff is going to lose their workplace at Russian universities, and, therefore, after a change of generations it may happen that there will be no one to work there. Modern Russian educational reform aimed at reducing the overall number of budget places in universities (especially the budget places in the sphere of the Humanities), and the State support for vocational education, will lead to a greater technological backwardness of Russia, compared with the world's leading economies in the next 10 years. The global trend in modern education is, on the contrary, the constant increase in the number of people who have received higher education, particularly in the context of the beginning of the era of the digital economy. Only a sharp increase in expenditure on education to 5-6% of GDP in the coming 3-5 years, while adjusting the directions of the higher education reform can prevent inexorably looming collapse of the entire Russian system of higher education .

Keywords: *education reform, problems of higher legal education, lack of education, effective contracts, educational standards, undergraduate and graduate, dissertation boards, bureaucratization of the educational process, increase in the teaching load, reduction in the number of budget places.*

REFERENCES

1. *Balatsky, E.* Salary Deadend. Where would the Road Map Lead? // *Science. Innovations. Education.* 2017. No.1 (23). P. 9.
2. *Berlyavskiy, L.G., Vlasov, A.I.* Methods of Scientometrics in Legal Education and Science // *Legal Education and Science.* 2015. No. 3. P. 21—24.
3. *Golinichenkov, A.K.* Legal Education in Russia: Challenges of the 21st Century // *Lex Russica.* 2010. T. LXIX. № 2. P. 296-310.
4. *Efimenko, L.A.* Competence Approach in Legal Education // *Law Gazette of the Kuban State University.* 2014 No. 4 (21). P. 11—14.
5. *Kamyshanskiy, V.P.* Legal Education and Legal Profession in Russia // *The Reign of Law.* 2010. No. 2. P. 16—26.
6. *Matyusheva, T.N.* Improvement of Quality of Legal Education in Addressing the Problem of Formation of Legal State and Civil Society // *Modern Law.* 2015. No.11. P. 68—72.
7. *Matskevich, I.M.* Concept of Training of the Teaching Staff (Highly Qualified Personnel) // *Juridical Education and Science.* 2012. No.4. P. 2.
8. *Nosov, S.I.* On Some Problems of Juridical Education and Assessment of Scientific Personnel of the Higher Qualification // *Jurist.* 2013. No. 14. P. 39.
9. *Fadeev, V.I.* On New Approaches to Teaching of Constitutional and Municipal Law in Conditions of Level Education // *Constitutional and Municipal Law.* 2013. No.4. P. 31—36.
10. *Shutova, V.N.* Experience of Application of Interactive Forms and Methods in Jurisprudence // *Current Issues of Science and Education.* 2016. No. 4. P. 171.
11. *Shapkina, E.A.* Improving the Quality of Higher Legal Education as Stage of Development of Constitutional State // *Juridical Education and Science.* 2011. No. 1. P. 9.
12. *Sheveleva, N.A., Lavrikova, M.Yu.* Some Problems of the New Development Stage in Legal Education // *Law.* 2014. No. 1. P. 42.